

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА

В статье изложены современные научные концепции происхождения казачества, как этнической общности.

Вопросы происхождения казаков Юга России, их предков, каналов формирования первых казачьих общностей; проблема единства происхождения казаков; формирования территории казачества до сих пор носят дискуссионный характер. В зависимости от занимаемой позиции, авторы придерживаются разных взглядов, неодинаковой хронологии, используют различную географическую привязку событий.

В настоящее время выделяются две основные трактовки вопроса о происхождении казаков: это – гипотеза об их автохтонном, или коренном, происхождении и миграционно-колониционная теория зарождения казачества. Автохтонная гипотеза базируется на признании двух начал в формировании казачества – славянско-русского и тюркского. Придерживавшиеся первой трактовки В.Н. Татищев, А.И. Ригельман относили казачество к числу древнейших народов, а появление его связывают с Тмутараканским княжеством. По их мнению, оно существовало на Таманском полуострове в X–XII вв.[10] В.Д. Сухоруков, Е.П. Савельев, Л.Н. Гумилев определяют Тмутараканскому княжеству более широкие географические рамки – Приазовье и западную часть Северного Кавказа.[8] По разному оценивается и состав населения Тмутаракани. В одних случаях оно признается древнерусским, в других – смешанным, и даже с преобладанием косогаев.[2] Полагают, что пестрый характер населения Тмутараканского княжества предопределил базу формирования казачества. В состав Тмутараканской периферии включается Кабарда, где уже в X в. якобы локализируются казаки.

Необходимо отметить, что сторонники такого рода версий, не располагая их прямыми документальными доказательствами, опираются преимущественно на косвенные свидетельства. Первое среди них – наличие в донском говоре слов тюркского происхождения. На этой почве получил весьма многомерное толкование этимологический смысл самого слова «казак». В подтверждение этому термин «казаки» интерпретируется в выраженном социальном смысле, преимущественно в двух ипостасях; во-первых, как свободного воина, пограничника*; во-вторых, как массы, оторвавшейся от социальной среды и состоявшей из разбойников, удальцов, наемников, бродяг, не имевших ни кола, ни двора, ни посева, ни скота.

Одним из направлений автохтонной гипотезы происхождения казачества является бродническая. Возникновение этого направления можно отнести к XVIII в.[9] Н.М. Карамзин определял бродников как русских выходцев, проживавших на Дону и являвшихся прототипом казачества.[5] В XIX столетии, преимущественно с 80-х гг., бродническая теория получила интенсивное развитие. Тогда ее существенно дополнил профессор П.В. Голубовский. Он первым отождествил бродников с домонгольским (XI – XII вв.) славяноязычным населением степных мест Юга России.[1]

Бродническая версия происхождения казачества прослеживается в трудах В.В. Мавродина и особенно Л.Н. Гумилева, которые размещают бродников на Дону, называя их донскими славянами, хазарами или некими русскими, проживавшими в XII в. среди половцев.[4] В последнее время бродническая версия обрела второе дыхание, в частности трудами Б.Б. Овчинниковой.[6] Бродническая версия происхождения казачества, безусловно, содержит ряд любопытных наблюдений, но в целом она, при всей ее привлекательности, недостаточно убедительна. Прежде всего потому, что не имеет под собой веских доказательств. Аргументация преимущественно основана на косвенных свидетельствах, почерпнутых из вторых или даже третьих рук.

Что касается миграционно-колониционной теории формирования казачества, то она сводится к тому, что казачьими предками были свободолюбивые выходцы из Русского и Польско-Литовского государства, те, кто не мирился с усиливающейся феодальной

* Что, между прочим, получило отражение в художественном творчестве (картина Васнецова «Богатыри»).

кабалой. Накапливаясь на российском порубежье, эти беглецы «растеклись» по рекам – Днепру, Хопру, Дону, Волге, Тереку, Кубани, а потом и по водным магистралям Сибири, всего Востока и Средней Азии. Там они образовали известные вольные общины, а затем и соответствующие казачьи войска. Законченную форму эта теория получила в исследованиях С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского.[7]

В советское время эта теория получила самое широкое распространение и обрела роль непререкаемой истины, несмотря на то, что были попытки синтезировать автохтонную и миграционно-колониционную теории. Дальше всех в этом направлении шагнул Л.Н. Гумилев, полагавший, что корни казаков через бродников уходили к православным хазарам.[3]

Миграционная теория в этой части не лишена основания, но нуждается в уточнениях. Во-первых, пополнение двигалось не только из русско-славянских, но и из других районов (хотя главный поток, вероятно, направлялся из русско-славянских районов). На протяжении целых столетий автохтонные казачьи предки подвергались интенсивному обрусению и христианизации. Не исключено, что правители Русского государства держали двери на юг открытыми потому, что это была политика наиболее безболезненного присоединения новых территорий посредством постепенной и длительной ассимиляции малочисленных народностей, обитавших по периметру границ.

Во-вторых, к казакам бежали не только поборники свободы и православия, но и настоящие авантюристы, любители приключений, жаждавшие легкой наживы. Прозрачные границы и существовавшая веротерпимость способствовали свободному притоку людей. Локальная замкнутость создавала условия, для формирования новой общности. Таким образом, начало зарождения казачества относится, по всей вероятности, к рубежу XIII – XIV вв., а адекватный ответ на вопрос о происхождении казаков состоит не в выборе между различными версиями автохтонной и миграционно-колониционной теориями, но в их доброкачественном синтезе. Положительное решение проблемы происхождения казаков из одного корня позволило бы однозначно определить казачество как народ (этнос).

Для системного анализа вопроса о происхождении казачества (казаков), а стало быть в определенной мере и их места в истории и в современной жизни, необходим разбор тех факторов, которые в совокупности позволяют отделить один народ (этнос) от другого и получили в науке название этнических определителей. Анализ различных версий происхождения казачьего имени, анализ языковой ситуации в казачьих землях, проведенный как в диахронии, так и синхронно в нескольких областях, антропологический анализ и оценка этнической самоидентификации казаков показывают не в пользу теории о происхождении казачества из одного «древнего и могучего» корня.

Серьезное разнообразие этнических признаков разных групп казаков, более быстрая, чем у соседей изменчивость этих признаков не позволяют сделать однозначного вывода о происхождении казаков из единого корня. Данный анализ позволяет сделать выводы о близости казаков с другими группами русских, которая могла сформироваться либо в результате общего происхождения, либо в результате незавершившейся ассимиляции.

Анализируя процесс формирования территории казачества, можно сделать вывод о совершенно определенной географической привязке казаков. Это нижнее и отчасти среднее течение рек Днепра, Дона, Терека, Волги и Урала. История формирования казачьей территории уходит далеко в глубину веков. Группы населения, принявшие то или иное участие в образовании казачества обитали здесь как минимум с X – XI вв., а по некоторым данным – с VI в. н. э. Дальнейшее расширение ареала обитания казачества связано уже с общероссийским процессом колонизации окраин, в котором казаки принимали самое деятельное участие как по собственной воле, так и по велению государственной власти.

Необходимо признать, что процесс происхождения казачества имеет сложный характер. У истоков казачества в разной мере находились и группы местного, автохтонного населения Северного Причерноморья и Приазовья, и кочевые пришельцы средневековья, и массы беглецов из Московской и Литовской Руси, и державная воля Российской империи.

Л и т е р а т у р а :

1. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар / П.В. Голубовский. – М., 1884.
2. Губарев Г. Казаки и их земля в свете новых данных. Вторая книга о казаках / Г.Губарев. – Буэнос-Айрес, 1974. – С.11 – 12.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л.Н.Гумилев. – М., 1989. – С. 17. Его же. От Руси к России: очерки этнической истории. -М., 1992. -С. 18.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н.Гумилев. – Л., 1990. -С. 289.; а также: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л.Н.Гумилев. – М.: Мысль, 1989. – С. 14, 15, 17; Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л.Н.Гумилев. – М.: Экопрос, 1992. С. 15 – 18, 331.
5. Карамзин Н.М. История Государства Российского / Н.М.Карамзин. – СПб, 1842. – Т. V, Гл. IV.
6. Овчинникова Б.Б. Бродники – предки донских казаков / Б.Б. Овчинникова // Родина. - 1998.- № 10.- С. 2.
7. См.: Иловайский И.Д. История Рязанского княжества / И.Д. Иловайский. – М., 1884. – С. 203; Ключевский В.О. Курс русской истории / В.О.Ключевский. – М., 1904. Лекция XXVII; Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – М., 1959 – 1966. – Кн. III, Т. 4. – С. 243.
8. Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского / В.Д.Сухоруков. - Новочеркасск, 1903. – С. 69; Савельев Е.П. Казаки. История / Е.П. Савельев; репринт. изд. – Владикавказ: СПАС, 1991. – С.24 – 25; Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л.Н.Гумилев. – М., 1992. – С. 29 – 30.
9. См.: Щербатов М.М. Сочинения / М.М.Щербатов. – М., 1898. – Т. 2. – С. XXVII.
10. Татищев В.Н. Лексикон Российский исторический, географический и политический / В.Н.Татищев.– СПб, 1793.– Ч. II. – С. 166-167; Ригельман А.И. История или повествования о донских казаках / А.И. Ригельман. – М., 1846. – С. 52.